

29. 마지막 기회 (Последний шанс) // YouTube. 26.03.2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbOYRLhIP4> (accessed: 27.04.2016).

30. “위기 돌파구 힘은 국민»...朴대통령 ‘국론결집’ 호소 («Сила для преодоления кризиса — народ», — призывает президент) // Yonhap News. 15.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/15/0200000000AKR20160215073600001.HTML> (accessed: 07.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327.2(5-011) + 355.01 + 623.451.74

К. О. Первушина

СПЕЦИФИКА МИЛИТАРИЗАЦИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В XXI в.

В статье рассматриваются причины и особенности гонки вооружений на современном Ближнем Востоке. Анализ статистических данных экономического и военно-промышленного развития ближневосточных государств позволяет выявить наличие на Ближнем Востоке тенденции к ускоренной милитаризации, которая, в свою очередь, ведет к дестабилизации регионального пространства в целом. Автор приходит к выводу о том, что в обозримой перспективе ставка на военную силу останется одной из ключевых составляющих внешней политики ближневосточных государств ввиду крайне нестабильной международной обстановки в данном регионе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гонка вооружений, милитаризация, военные расходы, Ближний Восток, оружие массового поражения.

В XXI в. военно-политическая сфера остается важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности. Военная сила по-прежнему служит фактором сдерживания и защиты от внешней агрессии, ее реальный потенциал определяет весомость и масштабы воздействия на кризисные ситуации, она также используется в качестве противодействия невоенным и нетрадиционным угрозам национальной и международной безопасности. По сути, в начале XXI в. мир охватила новая гонка вооружений, имеющая качественно новый характер по сравнению с периодом холодной войны и чреватая весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, сам факт наличия гонки вооружений не обязательно предвещает начало военного конфликта и скорее свидетельствует о стремлении государств быть готовыми к отражению современных угроз. Рост военных расходов большинства стран в абсолютных показателях определяется самим ростом их экономик и обновлением устаревших образцов военной техники. Более того, сегодня наличие мобилизационных армий свидетельствует скорее о «догоняющей» модели экономического развития, проблемном состоянии НИОКР и низком военно-техническом потенциале. Действительно тревожным сигналом может служить тенденция увеличения военных затрат за счет сокращения социальных расходов и инвестиций в экономику.

Одной из наиболее тревожных тенденций современной мировой политики является возрастающая милитаризация стран и регионов Азии и Африки. Список наиболее милитаризированных государств в 2015 г., по оценкам Боннского международного центра по проблемам конверсии (ВСС), представлен преимущественно странами Азии. Рейтинг возглавляет Израиль, за ним следуют Сингапур, Армения, Иордания, Южная Корея, Россия, Кипр, Азербайджан, Кувейт и Греция [13]. Несмотря на то что в первой десятке Мирового индекса милитаризации представлено всего две ближневосточные страны, российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении о том, что гонка вооружений именно в этом регионе представляет наибольшую угрозу международной безопасности. Действительно, в военно-политическом плане Ближний Восток представлен преимущественно странами-импортерами вооружения. В промежутке между 2006–2010 и 2011–2015 гг. импорт вооружения на Ближнем Востоке возрос на 61 %, что в 2011–2015 гг. составило 25 % мирового импорта [20].

Западные аналитики склонны объяснять внушительный рост военных расходов значительным скачком цен на нефть в 2011–2013 гг. и усилением нестабильности в регионе. В странах, не экспортирующих нефть, таких как Ливан, Сирия, Йемен, Израиль, рост военных расходов привел к увеличению внешнего долга, в то время как в странах-нефтеэкспортерах, представленных преимущественно странами Персидского залива, на фоне возрастающей милитаризации происходило сокращение бюджета на существующие программы модернизации систем здравоохранения, образования, инфраструктуры [14, 18].

Российские эксперты акцентируют внимание на качественных характеристиках возрастающих закупок вооружения и военной техники (ВиВТ) на Ближнем Востоке, а также пакетов вновь заключаемых контрактов на импорт продукции военного назначения (ПВН). В частности, аналитики ПИР-Центра отмечают процесс качественного преобразования оборонных комплексов отдельных стран (Иран, Израиль, Турция), наращивания ядерного потенциала, запуск проектов перевооружения, тенденцию трансформации концепций национальной безопасности региональных игроков (Саудовская Аравия, Иран, Турция), что в совокупности закономерно ведет к возникновению гонки вооружений среди региональных игроков [1, 5, 8].

Очевидно, что в условиях обострения соперничества региональных экономических и военно-политических центров за расширение сфер влияния и контроль над сырьевыми ресурсами Ближнего Востока анализ процессов милитаризации стран Ближнего Востока и выявление специфики новой гонки вооружений в этом высококонфликтном регионе мира остается весьма актуальной задачей как с академической, так и с политической точек зрения. Данная статья является определенным вкладом в процесс научного осмысления военно-политической составляющей международных отношений на современном Ближнем Востоке. Материал базируется на ежегодных аналитических докладах российских и зарубежных центров, публикациях современных российских, американских и европейских ученых, представляющих стратегические исследования военно-политической компоненты стран и регионов Азии и Африки, а также ведущих мониторинг мировой торговли оружием.

Источниковой основой представленного анализа являются статистические данные и аналитические доклады ведущих экспертных центров мира: Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI) [17], Боннского международного центра по проблемам конверсии (BICC) [13], Международного института стратегических исследований (IISS) [18], ПИР-Центра [1, 5, 8], Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО) [4], ежегодные доклады Организации Североатлантического договора (НАТО) [19], Международного валютного фонда (МВФ) [21]. Комплексный анализ содержания указанных материалов позволяет выявить факторы и тенденции милитаризации стран Ближнего Востока, а также выстроить прогнозный сценарий развития силовой компоненты обеспечения безопасности в регионе.

Ближний Восток по-прежнему остается регионом с высоким уровнем милитаризации в силу целого ряда факторов. В их числе неразрешенный палестинско-израильский конфликт; «арабская весна», которая привела к тектоническим сдвигам в политическом ландшафте региона; доминирующая роль армии в политической жизни большинства государств; вооруженные конфликты в Сирии и Йемене; растущее противостояние по линии Иран — Израиль; борьба за региональное лидерство между Саудовской Аравией, Ираном и Турцией; региональная угроза в лице запрещенной в России ДАИШ. Очевидно, что конфликтный потенциал стран Ближнего Востока весьма высок.

Ближневосточные лидеры стремятся усилить военный потенциал своих стран в целях сохранения своих режимов в случае развития ситуации по негативному сценарию. Реализация этих устремлений осуществляется, как правило, через увеличение доли военных расходов, направляемых на модернизацию вооруженных сил и закупки ВиВТ. Наиболее наглядно это проявилось на нынешнем витке обострения обстановки в регионе.

В последнее десятилетие по объему заключаемых контрактов на поставку ВиВТ Ближний Восток занимает второе место в мире после Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), причем разрыв между ними постепенно сокращается. К примеру, за 2007–2014 гг. общая сумма контрактов по АТР составила порядка 157 млрд долл., тогда как по Ближнему Востоку — 105 млрд долл., из них объем заказов 2014 г. составил 22,5 млрд долл. [4]. Ближний Восток сохраняет лидерство и по пакету вновь заключаемых контрактов на импорт ПВН. В 2007–2014 гг. страны региона аккумулировали портфель заказов на импорт ПВН на сумму 225 млрд долл. (36 % общемирового показателя), в том числе в 2014 г. — на 34 млрд долл. (32 %). Это свидетельствует об устойчивой тенденции смещения «центра» тяжести мирового импорта вооружений из АТР на Ближний Восток [4].

Военные расходы стран Ближнего Востока в 2014 г. составили 196 млрд долл., что на 5,2 % выше показателей 2013 г. Наиболее динамичный рост с 2005 г. демонстрируют Ирак (286 %), ОАЭ (135 %), Бахрейн (126 %), Саудовская Аравия и Кувейт (112 %) [17]. Очевидно, что тенденция к увеличению военных расходов характерна преимущественно для нефтедобывающих стран, доходы которых возрастали за счет высоких цен на нефть в указанный период и оставались устойчивыми даже в период обвала цен на нефть в середине 2014 г.

Особенно заметное увеличение военной мощи демонстрирует Саудовская Аравия, что обусловлено ее союзническими отношениями с США, обновлением стратегии национальной безопасности, противостоянием Ирану и претензиями на региональное лидерство. За последнее десятилетие военный бюджет страны увеличился в 4 раза (80,7 млрд долл. в 2014 г.). Саудовское королевство направляет на военные нужды 25,9 % госбюджета (самый высокий в мире показатель), что составляет более 10 % ВВП и на сегодняшний день по размерам военных расходов уступает лишь США, Китаю и России [17]. Страна также является вторым после Индии мировым импортером оружия (7 % глобального импорта вооружений) и главным реципиентом военных поставок на Ближний Восток (25 %), активно сотрудничая в этой сфере с Великобританией (30 % военных закупок Саудовской Аравии), США (46 %) и Испанией (5,9 %) [20].

Аналогичные тенденции характерны и для других арабских стран Персидского залива. Так, за последнее десятилетие военные расходы ОАЭ увеличились более чем в 3 раза (22 млрд долл.) и сравнялись с военным бюджетом Турции. На военные нужды страна расходует четвертую часть госбюджета, а по импорту вооружений занимает 4-е место в мире (4 % глобального импорта вооружений) и 2-е на Ближнем Востоке (20 % военных поставок в регион) [20]. Не менее внушительное увеличение военных расходов имеет место в Омане, Катаре и Кувейте [17].

Военная интервенция коалицией арабских государств в Йемен в 2015 г. способствовала увеличению импорта вооружений государств, инициировавших данную военную кампанию, — Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта. Так, катарский импорт вооружений возрос на 279 % в 2006–2015 гг. и включал первые крупные контракты на поставку вооружений, которые значительно увеличили военный потенциал страны. В отличие от Катара импорт вооружений Египта, в прошлом самого военизированного государства на Ближнем Востоке, рос поступательно, достигнув 37 %. На военные нужды страна направляет лишь 1,6 % ВВП [Там же]. Данные показатели отражают экономические возможности и регионально-политические амбиции указанных государств.

Гражданская война в Сирии послужила катализатором усиления военного потенциала целого ряда ближневосточных стран, где в борьбе за региональную гегемонию столкнулись интересы Турции и Ирана. Тегеран уже сформулировал тезис о том, что «борьба за Сирию — это борьба за Иран». В этом ключе иранские консерваторы разработали концепцию «цепи сопротивления» в составе Ливана, Сирии, Ирака и Йемена. По мнению Тегерана, каждая из указанных стран — это передний край обороны Ирана от враждебных действий его региональных оппонентов — Саудовской Аравии, Катара, Турции и Израиля [15].

Иранская армия является самой крупной по числу военнослужащих на Ближнем Востоке и достигает, по данным доклада Международного института стратегических исследований, порядка 523 тыс. человек. Численность регулярных войск составляет 350 тыс. человек, 125 тыс. — Корпус стражей исламской революции, в подчинении которого находятся нерегулярные силы сопротивления «Басидж», 18 тыс. — ВМФ, 30 тыс. — ВВС. Экономические возможности страны позволяют Тегерану тратить на оборону порядка 15 % госбюджета, что составляет не более 2,5 % ВВП. Одним из преимуществ военной

обороны Ирана является довольно высокая степень обеспечения национальной кибербезопасности [18].

Сегодня на вооружении Ирана имеются легкие скоростные морские суда, мини-субмарины, противокорабельные ракеты, «умные» мины, легкое управляемое вооружение, беспилотники и т. п. Одним из основных и наиболее опасных компонентов оборонного комплекса страны являются баллистические ракеты малой и средней дальности, способные поразить любые цели на Ближнем Востоке, включая военные базы США. Множество имеющихся сегодня в распоряжении Ирана современных вооружений приобретено в последние годы у России и Китая, но информация о них остается скудной и противоречивой. Хотя эксперты затрудняются обрисовать четкую картину военной мощи Ирана, они сходятся во мнении, что она достаточна для дискредитации идеи о бесспорном превосходстве сил НАТО в Персидском заливе над Ираном в случае открытого военного противостояния [2, 55; 7, 112].

Тенденция к усилению военного могущества наблюдается и в Турции, которая, будучи членом НАТО, входит в десятку самых мощных военных держав мира, занимая 7-е место среди мировых импортеров оружия (3 % глобального импорта вооружений) и 3-е — на Ближнем Востоке (16 % военных поставок в регион) [20]. За последнее десятилетие страна более чем вдвое увеличила военные затраты (22,6 млрд долл.), сократив при этом их долю в общих расходах госбюджета более чем на треть (5,8 % в 2014 г.). Устойчиво снижается и удельный вес расходов на оборону в ВВП (3,4 % в 2003 г., 2,2 % в 2014 г.). Весьма показательно и сокращение численности армии почти в 2 раза (410 тыс. человек в 2014 г.), что обусловлено ускоренной модернизацией военно-промышленного комплекса страны [19]. Турция не скрывает заинтересованности в усилении своего ядерного потенциала. На территории страны расположены базы НАТО, которые оснащены ядерными вооружениями.

Особенностью масштабного реформирования оборонной отрасли Турции является ставка на развитие военного сотрудничества с США, Южной Кореей и Израилем. Анкара планирует создавать международные альянсы, прежде всего в авиастроении, и активно продвигать совместную продукцию за рубеж. Стратегическое сотрудничество Турции с США в рамках НАТО предусматривает меры по унификации вооружений, организации ПВО и обмену разведанными по ситуации в Сирии, Ираке и Афганистане. Израиль поставляет в Турцию прежде всего беспилотные летательные аппараты, однако взаимоотношения двух стран серьезно осложняют разногласия по палестинскому вопросу [6, 75].

Особый случай милитаризации представляет Израиль. Находясь в окружении враждебных режимов, стремящихся заполучить любыми способами оружие массового поражения (ОМУ), Тель-Авив вынужден совершенствовать национальный военно-промышленный комплекс, уровень боевой и морально-психологической подготовки израильских военнослужащих. Продукция израильской военной промышленности пользуется спросом на мировом рынке благодаря своему высокому качеству, что в немалой степени является результатом взвешенных политических решений руководства страны [2, 55]. Военно-промышленный комплекс Израиля не только обеспечивает значительную часть потребностей ЦАХАЛа в вооружении,

оборудовании и снаряжении, но и экспортирует свою продукцию в Южную и Центральную Америку, Южную Африку, Восточную Азию [3].

Армия обороны Израиля — ЦАХАЛ — насчитывает 176,5 тыс. человек, а в случае войны может пополниться за счет 465 тыс. резервистов, что позволяет ей входить в двадцатку сильнейших армий мира [18]. В 2015 г. оборонные расходы Тель-Авива составили порядка 15 млрд долл. На военные нужды страна тратит немалую часть бюджета (более 13 %) и ВВП (5,2 %), что приводит к сокращению финансирования жизненно важных социальных программ. Сегодня Израиль занимает 11-ю строчку в Мировом индексе военной мощи и первую — в рейтинге самых милитаризованных стран мира [18].

Конфликтный потенциал Ближнего Востока усиливается действием ядерного фактора. В первую очередь это связано с триумфальным возвращением Ирана в сферу конкуренции региона благодаря подписанию Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана (СВПД) со странами «Евротройка+3» (Китай, Франция, Германия, Россия, Великобритания, США совместно с Верховным представителем Европейского союза по иностранным делам и политики безопасности). У некоторых региональных игроков имеется возможность получить ядерное оружие; ситуация осложняется тем, что многие из них готовы к открытому противостоянию. В Вашингтоне не принято поднимать ядерную проблематику в отношениях с Тель-Авивом, Анкарой и Исламабадом, союзниками Белого дома [9, 303].

Угроза применения ядерного оружия подталкивает многие ближневосточные страны к наращиванию своих вооружений и провоцирует в регионе эффект ядерного «домино». Развитие ядерной сферы стало национальным приоритетом Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Алжира. Намерение развивать атомную энергетику выражали или выражают Сирия, Ирак, Иордания, Ливан, Кувейт, Бахрейн, Йемен, Ливия, Тунис и Марокко. Даже если все вышеуказанные арабские страны в настоящий момент намерены развивать именно «мирный атом», появление в перспективе у Ирана ядерного оружия может спровоцировать работы над ним у целого ряда стран; это будет означать, что вероятность применения ОМУ в конфликтах между ними значительно повысится [Там же, 315].

Меры ООН, направленные на снижение конфликтности в регионе, в частности эмбарго на поставку различных видов вооружений конфликтующим сторонам, как правило, не имеют ожидаемого эффекта. В 2015 г. полное или частичное эмбарго ООН на поставки вооружений действовали в отношении Аль-Каиды, движения Талибан, ДАИШ, Ирака, Ирана, Ливана, Ливии, Йемена, что, однако, не снизило военно-политической напряженности в регионе. Как следует из докладов комитетов ООН по санкциям, эмбарго на поставки оружия не способно остановить военный конфликт, который продолжается либо за счет перетекания оружия от одной противоборствующей стороны к другой, либо за счет нелегальных его закупок через третьи страны или других контрабандных способов поступления [10–12]. Согласно докладу Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ) эмбарго более или менее результативно только примерно в 25 % случаев [16].

Таким образом, страны Ближнего Востока продолжают вооружаться высокими темпами. Тенденции развития ситуации на региональном рынке обычных

вооружений свидетельствуют о набирающем обороты процессе милитаризации, который усиливает международную напряженность и чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира. Текущее состояние международных отношений и мировой политики позволяет предположить, что военная сила будет еще долгое время оставаться важной составляющей внешней политики ближневосточных государств и одним из главных факторов дестабилизации регионального пространства.

1. *Блащаница А.* Опыт глобального партнерства для Ближнего и Среднего Востока // Индекс Безопасности. 2014. № 1 (108). С. 39–64.
2. *Валиахметова Г. Н.* Азия в мировой политике XXI века. Екатеринбург, 2015.
3. Вооруженные силы Израиля // 200 stran.ru [Электронный ресурс] URL: http://www.200stran.ru/war_country78.html (дата обращения: 01.03.2016).
4. Ежегодник ЦАМТО-2015 // Центр анализа мировой торговли оружием [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/analytics/2015/0219/184927958/detail.shtml> (дата обращения: 26.02.2016).
5. *Калинина Н.* Милитаризация Ближнего Востока: динамики и риски // Индекс Безопасности. 2013. № 3(106). С. 43–62.
6. *Кольцов А. В.* Модернизация военно-промышленного комплекса Турции // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М., 2012.
7. *Маначинский А. Я.* Военный потенциал Ирана. М., 2015.
8. *Мохамед Шакер, Аднан Шихаб Эльдин.* Ближневосточный ядерный цикл: возможна ли регионализация? // Индекс Безопасности. 2015. № 1(112). С. 105–114.
9. *Сатановский Е. Я.* Россия и Ближний Восток: Котел с неприятностями. М., 2012.
10. Annual Reports to resolution 1267, 1989 and 2253 (ISIL (Da'esh) and Al-Qaida) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=s/2015/976 (accessed: 01.05.2016).
11. Annual Reports to resolution 1518 (Iraq) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/992 (accessed: 01.03.2016).
12. Annual Reports to resolution 2140 (Yemen) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/965 (accessed: 01.03.2016).
13. Global Militarization Index 2015 // Bonn International Center for Conversation. Publications [Electronic resource]. URL: <http://gmi.bicc.de/index.php?page=gmi-publications> (accessed: 01.03.2016).
14. *Karen E. Young.* Counting the cost — military expenditure in the GCC // The Arab Gulf States Institute in Washington. 16.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.agsiw.org/counting-the-cost-military-expenditure-in-the-gcc/> (accessed: 15.01.2016).
15. Khamenei advisor: An attack on Syria means an attack on Iran // National Council of Resistance of Iran, 29.01.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.ncr-iran.org/en/ncri-statements/terrorism-fundamentalism/12760-khamenei-advisor-an-attack-on-syria-means-an-attack-on-iran> (accessed: 14.04.2015).
16. SIPRI Arms Embargoes Database 2015 // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: <http://www.sipri.org/databases/embargoes> (accessed: 01.03.2016).
17. SIPRI Military Expenditures Database // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (accessed: 20.02.2016).
18. The Military Balance 2016. The Annual assessment of global military capabilities and defence economics // The International Institute for Strategic Studies, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.iiss.org>

www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2016-d6c9 (accessed: 11.02.2016).

19. The Secretary General's Annual Report 2015 // The North Atlantic Treaty Organization, 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_06/20150622_PR_CP_2015_093-v2.pdf (accessed: 15.01.2016).

20. Trends in International Arms Transfers, 2015 // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=508 (accessed: 01.03.2016)

21. World Economic Outlook report 2016 // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/publications/index.htm> (accessed: 29.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2016 г.

УДК 327.8(470:55) + 327.8(470:536.2) + 325.111 + 378.4

Б. Г. Фаткулин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ЛИНИЯМ РОССИЯ — ИРАН И РОССИЯ — ОАЭ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИРАНСКОЙ И ЭМИРАТСКОЙ МОДЕЛЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА С РФ

В статье сравниваются модели взаимодействия между странами Ближнего и Среднего Востока и Российской Федерацией. В качестве объектов сравнения выступают Исламская Республика Иран и Объединенные Арабские Эмираты. Сравнение проводится по следующим параметрам: политическая доктрина, миграционная политика, туризм, финансы, образовательная политика. Автор приходит к выводу о том, что модель сотрудничества по линии Россия — Иран более точно соответствует современному состоянию дел на Ближнем и Среднем Востоке. Глобалистская модель, принятая ОАЭ для сотрудничества с Россией, уже не в полной мере отвечает реалиям современной эпохи и изменившимся внешнеполитическим ориентирам России. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Иран, ОАЭ, «мягкая сила», трудовая миграция, туризм, офшорные университеты, экспатрианты, зарубежная магистратура, экономические санкции.

В условиях санкций России необходима диверсификация международных связей в различных сферах жизни, а для этого целесообразно рассматривать множественные модели взаимодействия со множеством государств. Модели, сложившиеся в 90-е и нулевые годы, требуют корректировки. Как известно, регион Ближнего Востока представлен несколькими группами государств: среди них Исламская Республика Иран (ИРИ) и нефтедобывающие монархии Персидского залива. Россия стремится развивать отношения со всеми государствами региона, понимая при этом, что к каждой группе стран необходим свой собственный подход. По нашему мнению, изменения в геополитической обстановке на Ближнем Востоке предполагают для России расширение списка новых партнеров.

В экспертном сообществе России существуют различные точки зрения на приоритетные направления взаимодействия со странами указанного выше